

Глава VI

Да, только, ради Христа, говорите потише. Вся вселенная негодует, когда не соблюдают добрых старых военных законов и обычаев.

...в лагере Помпея никогда не было никакой болтовни и трескотни. Уверяю вас, вы увидите, что тогда все было совсем иное: и военные формальности, и правила, и поведение, и умеренность, и скромность.

У. Шекспир¹

На следующее утро младший капрал Джонсон отправился к квартирмейстеру один, сказав Берну, что тому нет необходимости приходить туда, а надлежит быть готовым выдвигаться к штабу батальона в полдень. Берн вышел прикупить съестного для Шэма и Мартлоу. На главной улице он увидел простенький магазинчик, но первое, что бросилось в глаза в витрине, было написанное по-английски объявление, сообщавшее, что хлеб отпускается военным только после полудня. В магазине ему удалось купить лишь небольшой пирог, пару жестянок с сардинами да банку вишневого джема. Нужно было придумать, чем бы разнообразить их рацион, но так, чтобы нести было удобно. Вряд ли стоило брать ветчину или жестяную банку с печеньем, хотя с тех пор, как они оставили Сомму, свежее мясо было

¹ Шекспир У. Король Генрих V. — Акт 4, сцена 5 / Пер. с англ. Е. Бируковой.

в дефиците, и на обед без вариантов давали мясные консервы, патентованный суп-пюре, сушеные или консервированные овощи и картошку. В магазине имелись всевозможные торты и прочая кондитерская выпечка, но ее не сунешь в ранец, как пирог или банку джема. А жестянки с сардинами он думал распахать по боковым карманам кителя.

Джонсон вернулся за несколько минут до полудня и сообщил новости: батальон вернулся в Мазенгарб и расквартирован в бараках возле кладбища. Большая рабочая команда выдвигается сегодня ночью на передовую. Им с Берном предстояло забрать со склада снабженцев большой ящик. Они прибудут в Мазенгарб намного позже обеда, но хозяйка приготовила им на завтрак добрую посудину *café au lait*¹, по краюхе хлеба на каждого, да еще сливочного масла и сваренных вкрутую яиц. Поскольку она уходила на работу рано, Берн расплатился с ней и на всякий случай попрощался, ведь, может статься, им придется выдвигаться раньше, чем она вернется домой в обеденный перерыв. Под кротким выражением ее лица скрывался бодрый и неукротимый дух. Он сложил одеяла и оставил их аккуратной стопкой, как было до их прихода. И они покинули дом, закрыв за собою дверь.

Идти теперь стало ближе, зато ящик был тяжелее, так что они намучились не меньше, чем по дороге сюда. Берн вернулся к жизни лишь после того, как они поставили ящик в углу сарая, который теперь был

¹ Кофе с молоком (*фр.*).

канцелярией. Оглянувшись, он первым делом заметил объявление, напечатанное заглавными буквами: «СЛЕДИ ЗА ТЕМ, ЧТО ГОВОРИШЬ, У ГАНСОВ ЕСТЬ ПОДСЛУШИВАЮЩАЯ АППАРАТУРА, ТЕБЯ МОГУТ СЛЫШАТЬ». Это было тревожное заявление, и он сперва решил, что относится оно в основном к связистам, но позже увидел такие же на стенах других строений. Штаб-сержант, вежливо поприветствовав его, нанес более весомый удар:

— Берн, вы теперь ночуете в помещении канцелярии.

— Так точно, сэр, — ответил он удивленно, но с механической покорностью, которая требовалась от него. Однако ему не хотелось, чтобы кто-то видел продукты, которые он принес, и, сделав паузу, он добавил: — Мне нужно забрать свое одеяло, сэр, и еще личные вещи, которые я оставил у приятеля.

Штаб-сержант кивнул, и Берн удалился, так и не сняв со спины ранца. Вскоре он уже говорил с Шэмом и Мартлоу, собиравшимися на развод караула.

— Ты уже не вернешься, — проговорил Шэм, констатируя факт. — Ты получил тепленькое местечко. Кабы ты им не был нужен, они б вернули тебя в роту раньше. Так что лучше оставь себе одну банку сардинок и отрежь половину пирога.

— Да не нужно мне, меня хорошо покормили в городе.

Предложение Шэма разделить продукты на самом деле выглядело как формальное признание конца их товарищества. Он вернулся в канцелярию в полной апатии и стал заносить приказы в книгу учета. Адью-

тант жаловался, что у него слишком мелкий почерк, и он старался писать крупнее, в результате строчки стали неровными и неуклюжими, как у ребенка, который раздумывает над буквами, вместо того чтобы думать над словами или фразами. При этом ему казалась символичной та потеря равновесия, которая произошла с ним в последние несколько дней. Он слышал фразы штаб-сержанта в его обычной притворно-неуверенной манере, деловитый шепот капрала, бессодержательное поддакивание Джонсона. Время от времени Рейнольдс или Джонсон передавали ему листы бумаги для перепечатывания, и тогда он некоторое время щелкал клавишами. Закончив, снова погружался в апатию, напряженно думая исключительно ни о чем, уходя в себя и едва поддерживая связь с реальностью.

Вошел адъютант и, посидев некоторое время за своим столом, со снисходительно-удивленным видом подошел к аппарату полевого телефона. Когда слышишь лишь одного участника диалога, фразы всегда кажутся загадочными, но сейчас адъютант, казалось, просто несет ахинею. Да, это — перец; да, вероятно, он принимал и в некоторых случаях повторял инструкции относительно охоты на крыс, и все это было о крысах, и о шестах, которые будут найдены на складе в Потсдаме, и соль. Берн вынырнул из глубин подсознания и слегка заинтересовался. Перец и соль были зашифрованными обозначениями двух батальонов Бригады. Когда адъютант вернулся на свое место, Берн нацарапал на клочке бумаги вопрос: «Что значит “крысы”?» — и подвиг

нул клочок к сидящему рядом связисту. Тот написал ниже: «Газовые баллоны» — и вернул бумажку. Если изобретательность гансов продолжит развиваться с такой же угрожающей скоростью, скоро придется использовать язык глухонемых.

В канцелярию зашел маленький офицер с двумя звездочками на погонах, недавно прибывший и мало-знакомый Берну. Звали его Виррал, и он отличался сварливым характером и склочностью. Вежливо, но твердо он обратился к адъютанту с вопросом, надо ли понимать так, что он, Виррал, должен заниматься делами не только своей роты, но по совместительству и делами других рот батальона. Адъютант был поражен или просто растерялся от количества информации, заключенной в этом вопросе. Но имея, пусть и против логики, трогательную веру в то, что человек есть существо разумное, он объяснил мистеру Вирралу, что все трудности, с которыми тот столкнулся, связаны с временной нехваткой офицеров. Капитан Моллет в отпуске, мистер Клинтон попал в руки дантистов, еще несколько офицеров отсутствовали под тем или иным предлогом. Мистер Виррал даже не представляет, с какими трудностями приходится сталкиваться адъютанту, и похоже, он предполагает увеличивать их количество всеми доступными ему способами; иначе откуда столько неуважения? Что поделаешь, если так случилось, что мистер Клинтон страдает от зубной боли? Ведь даже сам адъютант в настоящее время мучается от вросшего ногтя на пальце ноги. И хотя адъютант считает, что перечисленные неприятности и помехи относятся все же

к различным группам, забота о своих ногах должна, для всех без исключения, являться сугубо личным делом. Тут адъютант замер на стуле. Полное отсутствие сочувствия только усилило ощущение несправедливости у мистера Виррала.

В сердце Берна запрыгал злобный чертенок. Будь на месте адъютанта капитан Моллет, такое интервью продлилось бы не больше минуты. Встретив взгляд капитана, не обещающий ничего хорошего, мистер Виррал едва ли отважился бы спорить, поскольку капитан принимал в расчет только непосредственную необходимость, и если уж ему приходилось повторять приказ, по его виду сразу становилось понятным скорое и неминуемое насилие над личностью. Берна не имел ничего против адъютанта, скорее восхищался его усердием и добросовестным отношением к делу, но с его манерой поведения скорее расположишь к себе начальство, чем заставишь подчиняться тех, кем поставлен командовать.

В конце концов мистеру Вирралу было сказано, что коли он последним явился на фронт из Англии, то будет справедливо, если он снимет часть нагрузки с офицеров, которые тащат службу месяцами. На этом дискуссия была закрыта, и, отсалютовав адъютанту, он удалился с воинственным видом. Вскоре к столу подошел штаб-сержант и, склонившись к адъютанту, несколько минут шептался с ним.

Такие сцены всегда вызывали живой интерес у Берна, его волновала их напряженность. И в то же время было что-то унижительное в том, что происходит все в присутствии личного состава канцеля-

рии. Старослужащие Томлинсон, Рейнольдс и даже младший капрал Джонсон знали все, что только можно знать о каждом офицере батальона. Сам Берн и связист знали достаточно. За вычетом одного-двух случаев, Берн старался покидать помещение канцелярии во время отдачи приказов и распоряжений. А остальные оставались, и после разбора происшествия или провинности солдата обычно посылали за офицером, чтобы выяснить все обстоятельства. Это должно было происходить конфиденциально. Если же, как в случае с мистером Вирралом, речь шла о жалобах адъютанту, тем более не следовало делать штат канцелярии свидетелем инцидента.

Военная организация предполагает, что деятельность должна осуществляться с точностью и безучастностью механизма. Однако на деле это происходит не совсем так, поскольку существует еще и человеческий фактор, и получается, что механическая четкость машины дополняется столкновением человеческих эмоций, и когда механическое воздействие на объект заканчивается, эмоциональная составляющая продолжает действовать. За монотонной рутинной исполнением обязанностей, которая и делает войну тупым и убогим делом, проглядывает ощущение окружающей тебя опасности. И это чувство только усиливается от попыток воли противостоять ему. Люди, совместно действующие перед лицом постоянной угрозы их жизням, требуют хотя бы уравнивать их шансы. Они могут проявлять благородство и нести дополнительное бремя без жалоб, если это действительно необходимо. Но в моменты

печали и меланхолии им начинает казаться, что все призывы к чести и доблести при исполнении обязанностей имеют единственную цель — лишить их элементарных прав. Даже в командах подносчиков боеприпасов, рутинной работе подразделений, отведенных на отдых во второй эшелон, людей убивало случайно и без разбора. И хотя в ту ночь у Берна не было и мысли напроситься помогать тащить на передовую газовые баллоны, он чувствовал себя не в своей тарелке, будто он уваливает от работы.

На завтрак он ходил теперь прямо к полевой кухне и, если не было дождя, садился и ел там же, в тени хилой живой изгороди, болтая с поваром Эбботом. В кармане у него была маленькая коробочка с ирисками, найденная в посылке, пришедшей из Англии. Он угостил Эббота.

— Спасибо те, — отказался Эббот. — Да не охоч я до сластей. Где-то тут был Уильямс, он просто торчит от ирисок. Ваще не пьет и не курит, а если еще и к бабам не ходит, я ваще не понимаю, че он делает. Можешь подкинуть ему несколько штук. Эй, Уильямс, где ты? Тут для тебя ириски.

Уильямс был поваром роты обеспечения. Внешностью этот щупленький уроженец Уэльса походил на финикийца, и его всегда невозмутимое лицо, словно изъеденное неглубокими веселыми морщинками, выглядело как лицо старичка, хотя ему не было и пятидесяти.

— Давненько не ел я приличных ирисок, — обтирая руки об одежду, воскликнул он с голодным нетерпением в глазах. Он, как всегда, был тут как

тут, вынырнул, словно черт из табакерки, в своем засаленном и перепачканном сажей мундирчике.

— Да он себя продаст за десяток ирисок, — усмехнулся Эббот.

— Ну так угощайся, бери больше, — предложил Берн, — у меня еще есть. Друзья мне нет-нет да пришлют баночку, а мне-то они не очень. Я тебе потом еще подброшу.

— Уж я бы им во как обрадовался, — запросто сообщил Уильямс. Он был замечательно немногословен, как и всякий житель Уэльса.

— Ну, как сработала команда прошлой ночью? — поинтересовался Берн. — Понимаешь, офицер, старший рабочей партии, заходил в канцелярию со списками, но я был такой сонный и не разобрал ничего. А иногда просто посыльный прибегает и оставляет бумаги на столе; штаб-сержант по этому поводу бухтел все утро. Они, понимаешь, потревожили сон умирающего от усталости человека.

— Дык он и на том свете останется штаб-сержантом, — сказал Эббот, — как думаешь, Уильямс? Ребята были здорово уставшими после похода с таким грузом, вернулись часа в два, а тут построение, туда-сюда, да еще эти сраные газовые маски на них все время, противогазы эти. А сегодня в десять снова построение, развод, а на ночь снова рабочая команда. Какое-то блядство гонять людей день и ночь.

— Да, думаю, скоро им придется посылать нас на отдых в окопы, — заметил Берн и, потыкав в землю, очистил вилку с ножом, сунув в котелок, сполоснул все горячей водой и собрался в канцелярию.